

Солнце замерло в зените, но его ослепительный, лишенный тепла свет не мог согреть северные земли. По обе стороны дороги высились сугробы грязного, почерневшего снега. По этой не слишком широкой дороге двигалась закутанная в плотные одежды фигура верхом на коричневом олене с белым хвостом.

Цзи Цайсюэ, чьи руки были спрятаны под тяжелым плащом, погладил зверя по спине и пробормотал:

— Боюсь, в городе мы привлечем слишком много внимания, так что придется тебе потерпеть... Прости, что заставляю тебя выглядеть так. Думаю, когда ты был у Бессмертного Владыки, тебе не приходилось терпеть подобного. Прости, правда, прости.

Олень тихо фыркнул, как будто его это не слишком волновало. Цзи Цайсюэ за время пути уже понял: хоть зверь и не умел говорить по-человечески, он был наделен разумом и всё прекрасно понимал. А подобные фыркания означали отрицание.

— Неужели и Бессмертный Владыка заставлял тебя принимать такой облик? — Цзи Цайсюэ был искренне удивлен. Тот человек в маске с первого взгляда казался выдающейся личностью. Раз у него в руках была печать главы, значит, по силе он не уступал главе Наню, а в мире совершенствующихся такие люди обычно чувствуют себя хозяевами жизни. Неужели даже им приходится порой вести себя столь незаметно? Впрочем, подумал он, не каждый же встречный — напыщенный герой, считающий себя пупом земли. Сдержанных мастеров в мире пруд пруди. Да и тот человек в маске: делает добро, не называя своего имени, всё время скрывает лицо — совсем не похож на того, кто любит выставять себя напоказ.

Олень вез его вперед, копыта глухо шуршали по снегу. Цзи Цайсюэ подтянул маску повыше — отчасти чтобы согреться, отчасти чтобы лишний раз не светить лицом. Хотя он и не верил, что в этом чужом краю кто-то может охотиться конкретно за ним, береженного бог бережет.

Впереди показались высокие городские стены. Сблизившись с воротами, Цзи Цайсюэ поднял голову и прочитал на табличке надпись, выполненную уверенным, размашистым почерком:

— Город Инь-Ян.

Карта гласила, что река Найхэ протекает именно здесь.

Цзи Цайсюэ немного нервничал, про себя отмечая, что само название города не сулит ничего спокойного. Ворота казались заброшенными, никаких стражей, как в городе Янтарном, не наблюдалось. Однако стоило ему приблизиться, как створки отворились сами собой. Олень на мгновение замешкался, а затем шагнул внутрь.

Видя спокойствие зверя, Цзи Цайсюэ немного приободрился. Стоило миновать толстые стены, как слух наполнил шум — людей здесь было на удивление много. Цзи Цайсюэ окинул улицу взглядом: мимо сновали разодетые заклинатели-люди, попадались и причудливые демоны или совершенствующиеся темного пути. Большинство ходили в одиночку, лишь изредка встречались небольшие группы. Цзи Цайсюэ украдкой разглядывал вывески магазинов — и с

удивлением заметил, что абсолютно все они торговали лекарственными травами.

Из-за толпы олень замедлил шаг. Цзи Цайсюэ заметил, что планировка города весьма необычна: от главных ворот шла центральная улица, а каждые десять метров от нее отходили дугообразные ответвления. Все дома и лавки тянулись вдоль этих дуг, создавая строгий и симметричный узор. Цзи Цайсюэ предположил, что если все эти дуги соединяются, то дома в городе Инь-Ян образуют бесконечные концентрические круги — удивительное зрелище.

Но странности на этом не заканчивались. Спустя полчаса пути Цзи Цайсюэ обратил внимание, что улица стала пустеть. Лавки по-прежнему были открыты, но людей становилось всё меньше, и теперь встретить прохожего можно было разве что на каждом втором перекрестке. Он взглянул на вывески — теперь здесь продавали вовсе не травы:

Амулеты воскрешения, пилюли духа, вода возвращения души...?

Цзи Цайсюэ сглотнул.

Это уже не просто странно, это жутко! Что за товары здесь продают?

Впрочем, он быстро взял себя в руки. Это же мир совершенствования, это город Инь-Ян, здесь протекает река Найхэ, так что торговля вещами, связанными с жизнью и смертью, вполне естественна. Просто он невежда, мало что повидал в жизни.

Значит ли это, что до реки уже рукой подать?

Олень, словно почувствовав его волнение, успокаивающе фыркнул и прибавил ходу. Еще через полчаса, когда вокруг не осталось ни души, а все лавки были закрыты, тишину нарушал лишь стук копыт. Вскоре Цзи Цайсюэ увидел конец дороги и, собрав всю волю в кулак, всмотрелся вдаль. Глаза его медленно округлились.

Широкое русло реки несло свои воды с невероятной мощью. Волны непрерывно сменяли друг друга, отражая в себе пятнистое небо. В обеих своих жизнях Цзи Цайсюэ впервые видел такую величественную реку и не мог не проникнуться благоговейным трепетом перед этим зрелищем.

В прошлой жизни семья его была небогата, в университете приходилось подрабатывать, чтобы прокормиться, и он экономил на всем, так что до самой смерти почти нигде не бывал. После перерождения он скрывался в горах с наставником, надеясь, что через пару лет сможет, как старший брат, спуститься с гор и попутешествовать, но судьба распорядилась иначе. Этот северный поход, хоть и был вынужденным, позволил ему увидеть многое и расширить горизонты.

Говорят, прочти десять тысяч книг и пройди десять тысяч ли — возможно, в этой жизни ему удастся воплотить эти слова в реальность.

— Эх, но все же, это точно Найхэ? — Цзи Цайсюэ в недоумении почесал затылок. Он соскочил

со спины оленя, и они вдвоем пошли вдоль берега.

— Йо-йо, — подтвердил олень.

— А... не слишком ли она широкая? Из реки превратилась в море, — удивился Цзи Цайсюэ. — Но на воде никого нет... я имею в виду души. Тут вообще нет блуждающих духов.

Олень покачал головой, ткнулся носом в плечо Цзи Цайсюэ, привлекая внимание, а затем вытянул шею и кивнул в сторону другого берега.

— Ты хочешь сказать, что души на том берегу?

— Йо-йо.

— О, я понял! — Цзи Цайсюэ хлопнул в ладоши, словно его осенило. — Город Инь-Ян, Инь и Ян — это значит, что река Найхэ делит берега на две части. Здесь — Ян, здесь живут живые, а по ту сторону — Инь, там находятся те, кто уже покинул этот мир.

— Йо-йо! — кивнул олень.

— Значит, нужно придумать, как перебраться на тот берег... — Цзи Цайсюэ призадумался. Он спросил оленя, может ли тот перенести его по воздуху, как до города, но получил отрицательный ответ. Вариант с летающим кораблем из хранилища тоже отпал — для него требовалась подпитка духовной энергией, которой у него было в обрез.

— Придется искать перевозчика. — Цзи Цайсюэ вздохнул. Он осмотрел берег — пусто. Вгляделся в даль и заметил на правом фланге крошечную черную точку. Присмотревшись, он понял, что точка растет, определил направление движения лодки и, вскочив на оленя, направился к предполагаемому месту причала.

Через четверть часа лодка пришвартовалась.

Цзи Цайсюэ нахмурился еще издали, а когда увидел суденышко вблизи, его брови сошлись на переносице. Лодка... если сказать мягко — простая, если грубо — убогая! Длина — метра два, навес крошечный, в нем, наверное, только на корточках сидеть можно. Внутри воды не было, зато снаружи — сплошные заплатки. И ладно бы она была просто старой, так на борту еще красовалась табличка с жирной надписью: 600 духовных камней за поездку.

— Нет, кто позволил ему так задира́ть цены? — Цзи Цайсюэ чуть не рассмеялся от злости. — За эту корыто, за пятнадцать минут пути — шестьсот камней? Где это видано, так грабить людей!

Но вскоре он понял, почему владелец так уверен в своих ценах: он прождал еще десять минут, но на реке не появилось ни одной другой лодки. Монополия, что тут скажешь.

Делать было нечего, и Цзи Цайсюэ, ворча, отсчитал камни. В кошельке осталось всего восемьсот. У города Инь-Ян с северной стороны выхода не было, так что ему еще предстояло оставить шестьсот камней на обратный путь. Жизнь обещала стать крайне тяжелой.

Убрав оленя в талисман-хранилище, Цзи Цайсюэ осторожно ступил на борт. Не успел он толком сесть, как лодка сама пришла в движение. Он сжался под навесом, испуганно глядя на воду — как бы это корыто не перевернулось. Поездка оказалась такой же тряской, как и ожидалось: на широких волнах лодку швыряло из стороны в сторону, словно сухой лист. Через десять минут Цзи Цайсюэ чувствовал тошноту, а когда наконец выбрался на берег, у него потемнело в глазах, и он едва не упал лицом в грязь.

Он долго приходил в себя, опираясь руками о землю, пока головокружение не отступило. В поле зрения возникли длинные белоснежные полы одежды. Цзи Цайсюэ невольно поднял взгляд и встретился с ледяными голубыми глазами, в которых играла усмешка.

— Укачало? Редкое явление.

Смущенный тем, что его застали в таком жалком виде, Цзи Цайсюэ поспешно поднялся, отряхнул пыль и сложил руки в приветственном жесте:

— Прошу прощения, выглядел не лучшим образом. — Про себя он еще раз проклял лодку.

— Ничего страшного. Нужно обладать немалым мужеством, чтобы с твоим уровнем совершенствования решиться пересечь Найхэ и прийти в город Инь, — женщина в белом улыбнулась, но в ее глазах читался глубокий смысл. — Меня зовут Таньшуан, я здесь распорядительница. Зачем ты пожаловал?

Цзи Цайсюэ обрадовался: вот уж поистине, за бедой приходит удача — только ступил на берег, как встретил того, кто здесь всем заправляет. Он не сомневался в искренности этой госпожи: ее уровень силы был намного выше, если бы она хотела навредить, ей не нужно было тратить слова.

— Я ищу душу одного человека, — прямо сказал Цзи Цайсюэ. — Его тело в мире смертных захватили, но душа, полагаю, не была полностью уничтожена. Я хочу увидеть его, прежде чем он переродится.

— Вот как... — Таньшуан поманила его пальцем и, развернувшись, пошла вдоль берега. — Подобных просьб я не слышала уже лет сто. Редкий случай.

Цзи Цайсюэ последовал за ней, недоумевая:

— Неужели искать здесь души усопших — такая редкость?

— Хм? Похоже, ты не понимаешь, — коротко усмехнулась Таньшуан. — Город Инь принимает души лишь из мира смертных. Местные совершенствующиеся вряд ли знают кого-то из простых людей, не говоря уже о том, чтобы искать их здесь.

— А... а куда тогда отправляются души совершенствующихся после смерти? — почтительно спросил Цзи Цайсюэ.

— Хороший вопрос. — Таньшуан обернулась и одобрительно взглянула на него. — Я бы и сама хотела это знать.

Цзи Цайсюэ замер, а она продолжила:

— По логике вещей, в мире бессмертных, куда мы возносимся, должно быть нечто подобное городу Инь, чтобы провожать наши души... Но это лишь догадки. Я ведь сама никогда не возносилась и не умирала.

Это предположение звучало разумно, согласился про себя Цзи Цайсюэ.

— Но вряд ли многие добираются до мира бессмертных, ведь часто души уничтожают полностью. Так что перерождение — это еще большая удача. Разумеется, при условии, что распорядитель в их мире такой же добрый и мягкий, как я.

Цзи Цайсюэ подавился воздухом. Редко встретишь человека, который так уверенно и прямо себя хвалит. Не успел он мысленно съязвить, как Таньшуан остановилась. Он поспешно затормозил и посмотрел вперед. Там стояли молодые юноши и девушки в одинаковых белых одеждах.

Увидев Таньшуан, они поклонились и вернулись к работе. Двое с помощью магии создавали белые цветы, двое плели из них венки и складывали в корзины, двое записывали что-то на свитках. Последний достал из мешочка ручной колокольчик и, убедившись, что время пришло, начал им звенеть.

Цзи Цайсюэ... не услышал ни звука.

Но вскоре он понял, для кого этот звон. С главной улицы, идущей с севера на юг, начали выходить бледные фигуры. Цзи Цайсюэ невольно затаил дыхание, наблюдая, как они — старые и молодые, целые и увечные — медленно приближаются к берегу Найхэ. Один за другим они брали из корзин венки, клали их на воду и ложились сверху.

Венки, которые казались слишком хрупкими, чтобы выдержать хоть какой-то вес, легко поднимали людей и плавно уносили их по течению реки.

— Среди них много тех, чья жизнь была полна страданий, а смерть — ничтожна.

— Но здесь они могут достойно завершить свой путь.

Тонкие цветы несли не плоть, а невесомые души, к которым живые больше никогда не смогут прикоснуться.

— Цветы Забвения... удивительная вещь, которую невозможно не любить и не ненавидеть, — проговорила Таньшуан, раскрывая ладонь, над которой расцвел белый цветок. — Они заставляют забыть всю жизнь. Все воспоминания — и те, от которых хочется избавиться, и те,

что хочется сбeречь.

<http://bllate.org/book/18928/1852101>